

Авторы стандартов не видят будущего страны

Как известно, Председатель Правительства РФ В.В. Путин предложил вынести вопрос о новых стандартах образования на обсуждение общественности. Предложение это носит характер необязательной рекомендации для всех институтов гражданского общества, кроме, пожалуй, одного – Академии наук. Одна из основных функций Академии – быть экспертом главных проектов государства, поэтому для нее предложение премьер-министра приобретает обязательность.

Об известном. Напомним, что взволновало общественность: новые стандарты предложены на фоне заметно падающего уровня знаний выпускников. Школа теперь дает не знания, а «натаскивает» на прохождение ЕГЭ. Все меньше школьников записывается на ЕГЭ по физике и химии – 12-15%. Сокращается конкурс в вузы на технические направления. Вузовские преподаватели жалуются, что вынуждены восполнять пробелы в знаниях первокурсников за среднюю школу. И так далее.

И именно в такой ситуации стандартами предложено сократить число предметов в старших классах с 16-21 до 9-10. Выделены три обязательных предмета – курс «Россия в мире», ОБЖ и физкультура – по остальным учащимся предоставляется выбор, т.е. математика, физика, химия, биология, русский язык и литература выпали из числа обязательных предметов. Математику и физику ученики теперь могут выбирать по своему усмотрению – вплоть до одного часа в неделю. При этом, однако, действует ограничение: из каждого блока школьник вправе выбрать только два предмета – если, например, он выбрал физику и биологию, то за изучение химии должен платить, поскольку она в этом случае окажется в числе дополнительных образовательных услуг. Общественность недоумевает: может быть, реформа ставит целью сэкономить на образовании?

В случае принятия такого стандарта, заявил Спикер СФ С.М. Миронов, «на будущем России можно ставить крест». «Разрушение системы образования в нашей стране, – говорит академик РАН А.И. Коновалов, – происходит достаточно давно, это не сиюминутное явление. И идет оно – я придерживаюсь такой точки зрения – не без влияния извне» («Казанская правда», 14.02.11).

Что есть предмет экспертизы? Нужно то, что вызывает беспокойство общественности, сформулировать точно, глубоко, обоснованно. Образование – огромная область, много квалифицированных специалистов могут провести серьезный анализ; мы здесь касаться этого вообще не будем.

Однако представляется, что в развернувшихся сейчас дебатах выпадает другая, не менее важная часть предмета экспертизы. Этому уточнению и посвящена данная записка.

О предоставлении выбора школьнику – почему не было такой практики в предыдущие десятилетия?

Вопрос упирается в свойство государства быть единственным легитимным субъектом насилия и принуждения: так появляются армия, тюрьма, пенсионные отчисления от зарплаты и т.д. – таких участков много. И школа – этой же природы: ни родителей, ни детей не спрашивают – хотят они, чтобы дети получили среднее образование или нет.

Почему? Потому что школой государство решает две ключевые задачи. Первая – гуманная: человек, его всестороннее развитие – есть цель государства. (Как бы в реальности ни попирался или не искажался данный идеальный принцип, сути это не меняет – любая другая формулировка цели государства оказывается чрезвычайно спорной.)

Вторая задача – безопасность страны: надо противопоставить угрозам, которые надвигаются в будущем, новое поколение граждан, специально подготовленное так, чтобы данные угрозы компенсировать.

Так рождаются требования к качеству образованности гражданина, к обязательному комплексу школьных предметов. А далее – включается конвейер принуждения, называемый средней школой. Причем огромная внутренняя напряженность этого принуждения объяснима: она задается пиковыми моментами, когда решалась судьба этого государства (и даже, эхом, – напряженностью далекой Сталинградской битвы), а также тем, чтобы ни одна индивидуальность из десятков миллионов школьников, при всем разбросе характеров, не смогла противостоять принуждению к школьной программе.

Примечание: интересно, что само же государство стремится спрятать принуждение вглубь, чтобы оно осталось не более чем сутью, а по форме – чтобы конвейер принуждения обернулся детям своей противоположностью: чтобы класс был дружным, учитель был внимательным и добрым, учиться было интересно, чтобы школа была светлая и т.д., чтобы человек мог назвать свои школьные годы счастливыми. То же, кстати, и в армии: при всей ее принудительности устав предписывает обращаться к солдату вежливо и только на «вы», культивируется гордость за свой полк, за род войск, формируется образ сильного, умелого воина,

контролируется качество питания и быта, и т.п. – над конвейером принуждения как бы конструируется надстройка комфорта для личности.

Новые стандарты образования предполагают, что:

– либо стратегические угрозы для нашего государства минимизировались настолько, что теперь «обязательной» части предметов – «Россия в мире», ОБЖ и физкультура – достаточно: поколение, подготовленное по ним, сумеет эти угрозы нейтрализовать;

– либо школьник сумеет самостоятельно, без помощи государства, выбрать из остальных предметов ту базу личности, которая через 20-30 лет снимет угрозы для страны.

И на то, и на другое ответ «нет». Значит, предмет экспертизы смещается – нас интересует: почему самый ответственный пункт – гарантия будущего для государства – перенесен в самый слабый и неустойчивый пункт – выбор школьника?

О способности школьника сделать выбор. Половина граждан работает не по той специальности, что в дипломе, число разводов семей (в городах) уже 50-70% – такова статистика ошибки в выборе индивидов в их главных жизненных вопросах.

Государство сталкивается с этим феноменом – выбором гражданина – и часто силой закона выражает ему недоверие. Скажем, тем же школьникам Конституция РФ не дает право выбирать и быть избранными. Далее: вроде бы каждый гражданин должен заботиться о старости и заблаговременно копить «про черный день», но государство этому также не верит, принуждая всех к пенсионным отчислениям, и правильно делает, иначе бы повсюду были умирающие с голоду старики.

Любопытно, что ситуация в ее динамике еще хуже: «детскость» личности, неспособность серьезно принимать решение перемещается во все более поздние возрасты: если в Афганистане 12-летний мальчик уже мужчина, то в развитых странах Европы говорят: «плохи те родители, которые не ведут своего ребенка по жизни до его 50-летнего возраста».

Авторы стандартов как бы присваивают себе «верховное право» программировать судьбу школьника – ведь если он не выберет математику или физику, он уже не будет техническим специалистом.

И еще о выборе. Даже в самые тоталитарные времена в нашей стране выбор учащегося как раз предполагался: в школе – факультативные занятия, в вузе – специализация после второго-третьего курса. Но это не ущемляло стратегическую безопасность, а укрепляло ее: отдача стране от личности, развитой с учетом природных склонностей – больше. Впрочем, нельзя не видеть: тот выбор и этот, предлагаемый сегодня стандартами образования – разные.

Рыночные свободы. Быть может, авторы стандартов, вводя свободу выбора школьника, были движимы логикой, похожей на отпуск государством рыночных свобод? Т.е. как в промышленности – зачем государству управлять заводом, пусть это делает на свой страх и риск частный владелец. Но такой подход чреват ошибкой.

Ведь известно, что культ монетарной самодостаточности (рынок все сам отрегулирует) разбился о т.н. «провалы рынка»: когда чем-то, очень важным для общества, частный собственник не занимается. Примеров много и они известны. Это, например, все проекты с окупаемостью свыше 20-25 лет – они стратегически важны для государства, но бизнес за них не берется.

Или – реформа ЖКХ: по монетарной логике ЖЭКи и ДЭЗы должны быть заменены рыночными услугами. Но, оказывается, это – «провал рынка», по крайней мере, на нынешнем этапе: жульническая природа многих управляющих компаний может резко повысить коммунальные расходы большинства населения, что даже политически небезопасно.

И когда надо воедино увязать действия большого количества участников экономического процесса (экология, развитие мегаполисов, инновационные процессы и т.д.) – рынок также «проваливается»: никому из предпринимателей не выгодно становиться коллективным организатором, каждый сам за себя. Словом, спектр «провалов рынка» большой, причем, отнюдь не на периферийных участках жизни страны – тут логика монетаризма уступает государственному регулированию.

Поэтому каждый раз при замене государственного принуждения на свободу выбора – надо сначала обосновать, что данная сфера – не «провал рынка», иначе пойдут разрушения. Авторы стандартов, увы, анализа не проводили.

Перевод на инновационные рельсы. Это объективное движение планетарной культуры, а одновременно – декларируемый курс России. Способен ли школьник в

своем выборе комплекта школьных предметов ориентироваться на эту стратегию? Нет, и авторы стандартов тут идут вразрез с государственной политикой.

В мировой практике перевод на инновационные рельсы уже выявил несколько краеугольных моментов, они известны. Первое: инновации – «провал рынка», ни один субъект рыночного хозяйствования не обеспечит инновационного развития, здесь все решит только государственная инициатива, настойчивость, управление, регулирование, стимулирование. Второе: инновационное развитие даже в самых передовых странах идет с большими затруднениями, «на тройку с минусом» (а в странах, отстающих от передовых, оно не идет никак). Третье: инновационное развитие осознано руководством ведущих стран и как главная антикризисная мера, и как гонка за выживаемость в мире, поэтому госфинансирование этого направления растет скачкообразно, кратно. Четвертое: пять-семь лидирующих в инновационном развитии стран приобретут такое преимущество, что в обозримой перспективе могут посягнуть на суверенитет остальных стран, будто одержав победу в захватнической войне (хотя это произойдет без единого выстрела).

Осознавая все это, в США утвердили на министерских должностях уже четырех Нобелевских лауреатов, а Япония и Южная Корея держат курс на всеобщее обязательное высшее образование.

В России же, увы, частный сектор промышленности демонстрирует нежелание внедрять научно-технические новшества, и это опасно. Известно, что в мире в ближайшие 20 лет 90% материалов будут заменены принципиально новыми, таковы же темпы и перспективы по всем направлениям технологий. Чтобы не произошло необратимого отставания, России для перехода на инновационные рельсы нужно предпринимать особо активные, если не чрезвычайные действия.

И уж, тем более, нельзя допускать выхолащивания образования, что как раз предлагают авторы стандартов. Но, похоже, это не ошибка. А.А. Фурсенко на ежегодном молодежном форуме на Селигере сказал, что, «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» (цитировалось на слушаниях в Госдуме РФ заместителем председателя Комитета по образованию и науке О.Н. Смолиным, 05.03.2008).

Дидактика. Можно предположить, однако, что авторы стандартов движимы идеей модернизировать архаичные элементы школьного учебного процесса. Конечно, с застывшими формами бороться надо. А если (вслед за японцами и корейцами)

представить курс на всеобщее обязательное высшее образование, то ясно: трудно провести целое поколение через 17 лет непрерывного учебного маршрута – тут педагогам надо серьезно искать оптимальные формы учебного процесса. Т.е. дидактика должна стать областью быстрого прогресса высоких технологий – никак не в меньшей степени, чем в самых передовых областях культуры.

Дидактика, напомним, вскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков, определяет объем и структуру содержания образования. Поэтому: если Россия видит себя в будущем в числе лидирующей группы инновационных держав, то госзаказ на разработки в дидактике должен быть приоритетным. Стране нужен взлет научной дидактической мысли, и в этом смысле кулуарное рождение проекта стандартов – яркий антипример.

Где корень «ошибки»? Авторы проекта замахнулись на судьбу поколения и судьбу страны, т.е. заслуживают того, чтобы не в меньшей степени заинтересоваться самими авторами. Важно вычленил: что ими двигало.

И ключ к пониманию в как раз в том, что ученик, сам делая выбор комплекта предметов, не сможет предопределить безопасность государства в предстоящие 20-30 лет. Т.е. либо авторы стандартов исходили из того, что в будущем для государства не будет опасностей, либо, остается предположить – что не будет этого государства. Приближаемся к предмету экспертизы.

Мудрость гласит: правильно поставить задачу можно лишь в том случае, когда она уже наполовину решена. Выстроим цепочку уже предпринятых действий в области образования и науки – двадцатилетие нищенской зарплаты учительского корпуса (в 2000 г. она была 1164 руб!), ЕГЭ, болонский процесс, ликвидация отраслевой науки, многократное сокращение наукоемких отраслей, 10-15-20-кратное сокращение финансирования академической науки (и, соответственно, большой отток умов), импортированные из США концепции – сначала национальных лабораторий, затем исследовательских университетов – нацеленные против российской модели академической науки... Если выстроить эту цепочку, видно, что теми, кто «решает задачу», она «решена» уже больше, чем наполовину. Так что концепция новых стандартов образования – отнюдь не ошибка, наоборот, в данной логике – правильная постановка «задачи», вытекающая из ранее сделанного.

А ведь еще и принято решение вводить в школе основы религиозного образования с четвертого класса. С четвертого – т.е. до всех естественнонаучных и общественных дисциплин, чтобы опередить собственное формирующееся мировоззрение

школьника, которое бы было препятствием для мировоззрения религиозного. «Нет человека – нет проблемы» (Сталин).

Школа сегодня в очень плохом состоянии. То, что треть выпускников считают, что Солнце вертится вокруг Земли – это тест, показывающий познания не только в астрономии, а в целом по всему кругу школьных предметов: всюду, если приоткрыть реальность – такая же дремучесть. Но что со школой делать, а главное – как стартовать в преобразовательном порыве с правильной смысловой точки?

Причина, думается, в том, что учителей так долго продержали на чудовищно, оскорбительной низкой зарплате, что учительская среда – основной носитель линии государства в школьном конвейере – переродилась несколько раз за двадцать лет. Найдутся «рыночники», которые запальчиво начнут доказывать, что бывшая советская школа и не имела шансов вписаться в рынок. Пусть эти люди познакомятся с опытом рыночной Швеции, где зарплата учителя является самой большой в стране из бюджетных зарплат, и там нет раздела – это школьный преподаватель, а это – вузовский; школьный педагог так же становится профессором как и университетский, и это положение не менее почетно и в профессиональной среде, и в обществе.

Что же происходило в школе течение двадцати лет нищенства? Большая часть учителей ушла из профессии, другая большая часть вышла на пенсию. По отношению же к оставшимся государство как бы «санкционировало» элемент презрения в ученической среде, идущий от отношения родителей, получающих зарплату больше учительской. Т.е. ученики с утра идут учиться к тем, кто получает меньше всех в обществе – это предельное неуважение, заданное государством, неизбежно становится атмосферой и в классе. Откуда отдельные случаи поборов с родителей, откуда взятки, откуда встречающийся большой брак в преподавании предметов и т.д.? Это все признаки глубоких процессов перерождения в учительской среде.

Но каков вывод? Может, давайте, не обращая внимания на причины, приведшие к нынешнему состоянию, будем поправлять ситуацию через безответственный разлом несущих балок – так что ли? Или тут нужна предельная осторожность, экстренная реанимация и, на первое время, просто оживление (пока без вылечивания организма) с помощью доставки питательных веществ через капельницу? Может, надо терпеливо, настойчиво и искусно восстанавливать профессионализм, профессиональную этику и честь в кругу учителей, не трогая пока

сферу мотивации учеников? Поведение медиков реанимационного отделения, когда к ним поступает полуживой пациент, для нас в некотором роде ориентир.

Оторопь берет от безответственности тех, кто спешит предложить «курс лечения» через окончательное разрушение основ школы.

Вывод. Как концепция новых стандартов образования предлагает формировать личность – это, безусловно, предмет экспертизы. Но точно стандарты вредны тем, что вводя, якобы, свободу выбора школьника, фактически подрывают право государства быть субъектом насилия и принуждения в целях обеспечения будущего страны. Допустим, мы ослабим эту опору государства, но удастся ли ее вернуть, если вскоре обнажится ошибочность шага? Или – необратимо развалим школу? Создается исключительно опасный прецедент, объяснимый только одним: авторы концепции вообще не видят будущего этой страны. Поэтому подвергнутые сомнению функции государства – также предмет экспертизы.

Нельзя не видеть: авторы стандартов действуют так, будто убеждены в полной безнаказанности. Думается, потому, что все предыдущие шаги показали: несогласие общественности – вполне преодолимо! Инициативу предлагает государственный орган – властная и организованная сила, а какова организованность общественности? Она несоизмеримо уступает госструктуре, поэтому рецепт прост: волну несогласия общественности надо просто переждать, она пойдет на спад сама.

Если это объяснение верно, тогда особая надежда на тот институт гражданского общества, который, являясь по природе общественным, по организованности и по вескости слова не уступает госструктуре. Таким институтом является Российская академия наук.

Май 2011

Сергей Шаракшанэ, к. ф. н.

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>